

вать, что наиболѣе подготовленнымъ къ выполненію этой задачи нужно считать того, кто уже раньше посвятилъ свои силы данной именно области проявленій человѣческаго духа.—Но это еще не все. Служа выраженіемъ наиболѣе глубокихъ человѣческихъ стремленій и настроеній, литература въ свою очередь воздѣйствуетъ на жизнь и является одною изъ главныхъ силъ, воспитывающихъ общественное сознание. Это общественно-педагогическое значеніе литературы растетъ все болѣе и болѣе на нашихъ глазахъ и принимаетъ громадныя размѣры. Нельзя не сознаться, что въ настоящее время никакія спеціальныя изслѣдованія по морали, ни назидательныя изданія, ни церковная проповѣдь не оказываютъ столь могущественнаго вліянія на сознание нашего интеллигентнаго общества, какъ изящная литература. Несомнѣнно, однако, что это вліяніе можетъ имѣть и свою опасную сторону. Если искусство, какъ говорилъ одинъ писатель, облагораживаетъ людей даже вопреки собственному намѣренію, то это лишь въ той мѣрѣ, въ какой человѣкъ умѣетъ правильно относиться къ произведеніямъ искусства. Отсюда понятно, какую громадную важность имѣетъ руководство литературными вкусами читателей и въ особенности склоннаго ко всякимъ увлеченіямъ юношества. Изученіе литературы, какъ и изученіе морали, не можетъ быть, поэтому, чуждо практическихъ цѣлей, и даже эти цѣли въ обихъ случаяхъ по существу дѣла однѣ и тѣ же. Преподаватель литературы и литературный критикъ есть въ нѣкоторомъ родѣ практическій моралистъ; онъ держитъ въ своихъ рукахъ одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ нравственнаго воспитанія, и чтобы надлежащимъ образомъ воспользоваться этимъ средствомъ онъ долженъ напередъ выработать опредѣленный взглядъ на высшія задачи воспитанія. Люди, призванные быть ближайшими служителями и истолкователями христіанской нравственной истины, найдутъ здѣсь особенно широкое поприще для своей дѣятельности. Отнюдь не жалуясь на то, что свѣтская литература захватываетъ все большую и большую область вліянія, они должны пойти навстрѣчу тому, что есть дѣйствительно цѣннаго въ этомъ явленіи, пользуясь въ данномъ случаѣ литературою, какъ путеводителемъ къ истинѣ и нравственному возрожденію, т. е. способствуя ей быть тѣмъ, чѣмъ она

должна быть по своимъ кореннымъ задачамъ. При этомъ условіи свѣтская литература естественно явится однимъ изъ главныхъ средствъ для устраненія той пропасти, которая все болѣе и болѣе устанавливается между духовнымъ и свѣтскимъ обществомъ и на которую такъ много теперь жалуются.—Такимъ образомъ, и съ этой стороны изученіе вопросовъ христіанской морали помогаетъ осуществленію тѣхъ задачъ, которыя преслѣдуетъ изученіе литературы вообще и въ особенности ея изученіе и преподаваніе въ духовной академіи.

Въ виду всѣхъ указанныхъ соображеній я и рѣшаюсь безпокоить Совѣтъ Академіи своею просьбою“.

Опредѣлили: 1) Исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ нравственнаго богословія Николая *Городенскаго* перемѣстить, согласно его просьбѣ, на кафедру теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ, освобождаящуюся за выходомъ, по болѣзни, въ отставку заслуженнаго экстраординарнаго профессора Іерофея Татарскаго.—2) На кафедре нравственнаго богословія пригласить бывшаго профессорскаго стипендіата Академіи выпуска 1891 года, магистра богословія, Михаила *Таръева*, состоящаго нынѣ преподавателемъ Рижской духовной семинаріи, предложивъ ему, въ случаѣ изъявленнаго имъ согласія, въ началѣ будущаго учебнаго года прочесть установленныя § 50 академическаго устава двѣ пробныя лекціи: одну на тему по собственному избранію, другую—по назначенію Совѣта Академіи.—3) Просить временнаго преподавателя русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы заслуженнаго ординарнаго профессора Григорія *Воскресенскаго* озаботиться подготовленіемъ достойнаго преемника себѣ изъ настоящихъ или бывшихъ учениковъ своихъ и свои предположенія по этому дѣлу представить на обсужденіе Совѣта Академіи.—4). Постановленія сін представить на Архiepастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

IV. Отзывъ о сочиненіи профессора богословія въ Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра, магистра богословія, *протоіеря Павла Святлова* подъ заглавіемъ: „Курсъ апологетическаго богословія“, Кіевъ, 1900 г., представленномъ на соисканіе степени доктора богословія:

а) ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ введенія въ кругъ богословскихъ наукъ Сергѣя *Глаголева*:

„О. Свѣтловъ заявилъ себя уже многими апологетическими трудами.—Всѣ они дышатъ горячею убѣжденностію въ истинѣ православія, на всѣхъ нихъ лежитъ печать незаурядныхъ дарованій, любви къ занятіямъ, широкой и разносторонней начитанности. Въ своемъ „Курсѣ апологетическаго Богословія“ онъ почему-то хочетъ видѣть себя у конца авторскихъ трудовъ. Позволительно думать, что обстоятельства, послѣдовавшія за изданіемъ курса, заставили автора измѣнить свой взглядъ. Курсъ вызвалъ противъ себя уже не мало возраженій и со стороны методологической и по существу. Это само по себѣ не говоритъ противъ автора: всякое изслѣдованіе и пониманіе вещей, не отвѣчающее тому, которое стоитъ на очереди дня, всегда будетъ вызывать возраженія. Фактъ возраженій говоритъ въ пользу самостоятельности мысли автора: тому, кто говоритъ чужое и съ чужого голоса, возражать нечего. Но если авторъ слышитъ возраженія и недоумѣнія и если продолжаетъ считать свои воззрѣнія правильными, то на немъ лежитъ обязанность не остановиться на поставленной точкѣ, а продолжать дѣло выясненія своей вѣры и своихъ упованій. Пунктовъ, вызывающихъ недоумѣнія и нуждающихся въ дальнѣйшемъ обоснованіи, въ книгѣ о. Свѣтлова не мало. Прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, я долженъ указать то, что мнѣ представляется прямо ошибками и недостатками книги, исправленіе которыхъ въ послѣдующихъ изданіяхъ было бы весьма желательно.

Въ курсѣ авторъ отводитъ нѣкоторое мѣсто примиренію Библии съ естествознаніемъ. Авторъ подвергаетъ критикѣ канто-лапласовскую теорію происхожденія солнечной системы. Его изложеніе неправильно, и критическія замѣчанія ошибочны. О. Свѣтловъ совершенно неправильно въ уста Канта и Лапласа влагаетъ такую теорію: „вѣчная матерія наполняетъ вселенную въ видѣ газообразной массы въ состояніи каленія и неподвижнаго равновѣсія“ (стр. 196). Кантъ и Лапласъ учили не о происхожденіи вселенной, а объ образованіи солнечной системы, не говорили они, что въ какой-то вѣчно неизмѣняемой массѣ ни съ того, ни съ сего съ нѣкотораго момента начались измѣненія. Они восходили на основаніи фактовъ и теоретическихъ соображеній отъ на-

стоящаго солнечной системы и млечнаго пути къ прошлому до того момента, когда солнце и млечный путь представляли собою хаотическую туманность. Они останавливались на этомъ моментѣ не потому, что далѣе ничего не было, а потому, что не имѣли въ своихъ рукахъ руководящей нити для дальнѣйшихъ заключеній. Причемъ Кантъ прямо признавалъ созданіе первоначальной матеріи Богомъ, а Лапласъ не отрицалъ рѣшительно такого созданія. Совершенно правильное изложеніе воззрѣній Лапласа и Канта можно найти въ переведенной книгѣ Фэте. (Faye) — Происхожденіе міра, СПб. 1890 и еще лучше въ русскомъ переводѣ „Изложенія системы міра“ Лапласа (1861. т. 2, примѣчаніе седьмое). О. Свѣтловъ приводитъ основанія въ защиту канто-лапласовской системы и искажаетъ ихъ. Такъ, въ числѣ основаній онъ ставитъ несомнѣнно констатированныя охлажденіе земли и другихъ планетъ,—но охлажденіе другихъ планетъ вовсе не констатировано. Другое основаніе, что всѣ планеты шарообразны. Но на самомъ дѣлѣ основаніемъ канто-лапласовой системы служитъ то, что планеты не шарообразны, а эллипсоидальны (сплющены у полюсовъ и растянуты у экватора, а шарообразны всѣ тѣла, частицы которыхъ удобо-подвижны и размѣщаются лишь подъ воздѣйствіемъ центральнаго притяженія). Фактомъ противорѣчающимъ теоріи о. Свѣтловъ называетъ движеніе кометъ по параболамъ. Если это дѣйствительно фактъ, то онъ подтверждаетъ, а не отвергаетъ теорію Лапласа. Лапласъ говоритъ, что кометы—случайные пришельцы въ солнечную систему. Если онѣ двигаются по параболамъ, то, конечно, онѣ въ сущности не принадлежатъ солнечному міру и ихъ нечего принимать въ расчетъ при обсужденіи вопроса о его происхожденіи. Но дѣло въ томъ, что многія кометы двигаются по эллипсамъ (для практическихъ цѣлей и при первоначальномъ изученіи и ихъ обыкновенно относятъ къ параболическимъ орбитамъ), но ихъ громадныя эксцентриситеты, наклонъ и направленіе движенія не согласуются съ предположеніями Лапласа. Подвергнувъ очень суровому суду гипотезу Канта-Лапласа, о. Свѣтловъ далѣе пишетъ: „А нѣкоторыя возраженія о появленіи свѣта раньше солнца сами собою устраняются, напр., указаніе на происхожденіе солнца и луны въ 4-й день, а не раньше самой земли, какъ слѣдуетъ по на-

учнымъ космогоническимъ гипотезамъ: въ Библии говорится лишь о появленіи свѣтилъ этихъ *относительно* или для земли, а не безусловно“. Но это нужно именно только для канто-лапласовской гипотезы, такъ какъ по новѣйшимъ гипотезамъ планеты и многіе ихъ спутники явились раньше солнца. Вообще небулярныя гипотезы образованія солнечной системы, лучшей изъ каковыхъ гипотезъ является канто-лапласовская, держались въ первую половину XIX вѣка. Согласно этимъ гипотезамъ міры солнечной системы образовались изъ экваторіальныхъ колець, отдѣлившись отъ первоначально единой сферической туманности. На смѣну этимъ воззрѣніямъ явились гипотезы метеоритныя, по которымъ міры образуются постепенно изъ сліянія разсѣянныхъ пылеобразныхъ частицъ и центральное тѣло для такихъ міровъ можетъ быть гораздо моложе ихъ. У о. Свѣтлова нѣтъ рѣчи объ этихъ воззрѣніяхъ. Мы находимъ у него лишь спутанное, съ фактической стороны во многомъ невѣрное изложеніе канто-лапласовской гипотезы и критическія замѣчанія на нее такой же цѣнности, какъ и изложеніе. Было бы лучше совсѣмъ уничтожить эти страницы. Еще было бы лучше, если бы авторъ взамѣнъ изложенія и разбора естественно-научныхъ теорій изложилъ принципы для сужденія о природѣ, ея законахъ и происхожденіи съ точки зрѣнія Богословія. Можно ли допустить съ богословской точки зрѣнія естественность и законосообразность въ процессѣ образованія земли и солнечнаго міра?

Полемизируетъ авторъ съ дарвинизмомъ. На стр. 142 относительно предполагаемаго дарвинистами жившаго въ прошедшемъ существа, которое было промежуточнымъ звеномъ между человѣкомъ и обезьяной, о. Свѣтловъ пишетъ: „въ настоящее время потеряна уже надежда когда-либо найти искомое“. Это—неправда; напротивъ, съ 1894 г. дарвинисты утверждаютъ, что искомое найдено, именно *Anthropopithecus erectus* Дюбуа. Проблематическая реставрація его была представлена на всемірной парижской выставкѣ 1900 г. Въ настоящее время образовалась уже обширная литература, трактующая о костяхъ, найденныхъ Дюбуа. Не мало написано о нихъ и по-русски. На стр. 144 авторъ говоритъ, что многими дарвинизмъ „не принимается даже и какъ хорошая научная гипотеза“ и затѣмъ онъ перечисляетъ лицъ, кото-

рыя ея не принимаютъ. Этотъ списокъ съ успѣхомъ можно обратить противъ автора. Перечисляемья имъ лица—за исключеніемъ Вирхова — всѣ умерли. Жоффруа Сентъ-Илеръ, называемый о. Свѣтловымъ, умеръ за 15 лѣтъ до появленія книги Дарвина о происхожденіи видовъ. Неудивительно, конечно, что Жоффруа не принималъ того ученія, котораго въ его время не существовало. Жоффруа былъ предшественникомъ и поэтому не могъ быть послѣдователемъ Дарвина. Не совсѣмъ справедливо Ляйбъ отнесенъ къ противникамъ дарвинизма, въ концѣ своей дѣятельности онъ принялъ многія изъ положеній Дарвина. Отношеніе Вирхова къ дарвинизму ограничивалось тѣмъ, что онъ, какъ антропологъ, во всѣхъ тѣхъ человѣческихъ экземплярахъ, гдѣ дарвинисты находили обезьяноподобные признаки, отрицалъ существованіе таковыхъ. Затѣмъ, должно замѣтить, что Вирхову было уже около 40 лѣтъ, когда явился дарвинизмъ. Неудивительно, что онъ сталъ въ оппозицію теоріи, расходящейся съ твердо установленнымъ имъ міросозерцаніемъ. Но гдѣ же многіе ученые, обѣщанные о. Свѣтловымъ, непринимающіе дарвинизма? Изъ натуралистовъ, получившихъ естественно-научное образованіе послѣ 1859 г. (когда вышла книга *Origin of species*) онъ не назвалъ ни одного. У читателя естественно возникаетъ такая дилемма: или о. Свѣтловъ не знаетъ представителей современнаго естествознанія, значить, не знаетъ и естествознанія въ современномъ состояніи, тогда его сужденія о дарвинизмѣ не имѣютъ никакого значенія, или онъ знаетъ положеніе современнаго естествознанія, но не знаетъ противниковъ дарвинизма, потому что ихъ нѣтъ; тогда получается, что дарвинизмъ есть общепринятое ученіе. Есть въ этомъ дѣлѣ и еще сторона. Какъ въ космогонической проблемѣ о. Свѣтловъ останавливается только на лапласовской гипотезѣ, такъ здѣсь онъ останавливается исключительно на чистомъ дарвинизмѣ. Но, вѣдь, въ дарвинизмъ внесены поправки и измѣненія, явились и новыя теоріи происхожденія видовъ. Въ числѣ противниковъ дарвинизма о. Свѣтловъ называетъ Негели. Но этотъ покойный ботаникъ—кстати замѣтить: матеріалистъ—далъ свою механическую теорію происхожденія видовъ. У противника естественнаго происхожденія видовъ едва ли имѣются основанія предпочитать Негели Дарвину. Но какъ

вообще православный натуралист долженъ смотрѣть на исторію органической жизни на землѣ? На этотъ вопросъ у о. Свѣтлова нѣтъ отвѣта.

Астрономія, по утверженію о. Свѣтлова, учитъ, что существуетъ множество обитаемыхъ міровъ. По его мнѣнію это ученіе не противно Библии, но его всѣ обязаны принять какъ истину и отрицать его нельзя безъ оскорбленія здраваго смысла. Въ своемъ разсужденіи объ этомъ о. Свѣтловъ любезно сообщаетъ обо мнѣ, что я въ одной изъ своихъ работъ по этому вопросу тщетно пытаюсь примирить себя съ здравымъ смысломъ (155 стр.). Я не вижу никакихъ основаній ни съ религіозной, ни съ научной точки зрѣнія оспаривать возможность существованія обитаемыхъ міровъ. Но здравый смыслъ рекомендуетъ не спѣшить съ умозаключеніями *a posse ad esse*. Мысль объ отсутствіи жизни на безмѣрныхъ пространствахъ, повидимому, кажется о. Свѣтлову оскорбительною для величія Божія. Но наука не знаетъ въ дѣйствительности ни одного обитаемаго міра, и если даже допустить, что всѣ міры обитаемы, то и тогда останется безмѣрное и безжизненное междупланетное пространство. И еще должно прибавить, что пустота существуетъ не въ однихъ междупланетныхъ пространствахъ. Съ точки зрѣнія нашего автора должно спросить: зачѣмъ Господь Богъ допустилъ, чтобы эта пустота осталась пустою, зачѣмъ Онъ ее наполнилъ ее мыслию и чувствомъ. Что же? поступилъ ли неправо Господь Богъ, или результатомъ заблужденія является *horror vacui* о. Свѣтлова. Во всякомъ случаѣ о. Свѣтлову свое негодованіе въ данномъ случаѣ слѣдовало бы обратить не противъ тѣхъ богослововъ, которые повторяютъ то же, что говорятъ и всѣ компетентные астрономы, что фактъ обитаемости міровъ не доказанъ, а противъ своего союзника К. Фламмаріона, книгу котораго „Многочисленность обитаемыхъ міровъ“ онъ одобряетъ и рекомендуетъ. Этотъ астрономъ, значеніе котораго въ астрономіи приблизительно равно нулю, пишетъ слѣдующее: „какъ будутъ соглашены ваши старые догматы съ новою наукою, апостоломъ которой я сдѣлался? Множество міровъ, это вѣдь—отрицаніе воплощенія и искупленія“ (См. *Rev. Quest. Scientif.* 1902 г. *Le veritable concept le la pluralité des mondes*, p. 30). Вотъ такія разсужденія, въ которыхъ предположеніе называется

фактомъ и мнимый фактъ объявляется отрицающимъ фактъ дѣйствительный, такія рѣчи естественно могутъ вызывать негодованіе.

Но разсужденіе объ обитаемости міровъ вообще у о. Свѣтлова изложено ясно, нельзя сказать того же о его разсужденіи о дарвинизмѣ и канто-лапласовской космогоніи. У автора, замѣтно, было стремленіе излагать мысли по возможности короче, но эта краткость порою переходитъ въ невразумительность. Порою выраженія автора прямо неправильны, можно только догадываться о его мысли. Такая невразумительность начинается съ 1-й страницы книги и съ 1-го разсужденія о краткости. Авторъ говоритъ о своей книгѣ, что она представляетъ собою „краткое и точное воспроизведеніе курса лекцій по Богословію“. Позволительно думать, что краткаго и точнаго воспроизведенія курса о. Свѣтлова такъ же не можетъ быть, какъ не можетъ быть краткаго и точнаго воспроизведенія сочиненій А. С. Пушкина или Н. В. Гоголя. На стр. 29 авторъ пишетъ: „раздѣленіе курса Богословія на двѣ половины является естественнымъ“.... Конечно, раздѣленіе на 3 половины явилось бы противоестественнымъ, но у нашего автора въ 1-й половинѣ 100 стр., а во второй 313+X; почему авторъ не употребилъ вмѣсто „половина“ слово „часть“? На 38 стр. авторъ догматически годомъ кончины св. ап. Павла называетъ 62-й, но во 1) годъ этотъ неизвѣстенъ съ точностію, а во 2) историки за наиболѣе вѣроятный считаютъ годъ 67-й. На страницѣ 46 авторъ пренебрежительно отзывается о „какомъ-то мифическомъ Аполлоніи Тіанскомъ, котораго Филостратъ противопоставляетъ Христу“. Но Аполлоній—не мифъ и не какой-то, западная богословская литература вынуждена съ нимъ считаться, кое-что о немъ написано и у насъ. На стр. 140, приведя рядъ примѣровъ апоѳеозы людей въ Римѣ, авторъ пишетъ: „чистѣйшее свое выраженіе мысль эта (люди—буквально родъ Божій) получила въ греко-римской антропоморфической религіи, отождествляющей человѣка съ Богомъ“. Не совсѣмъ понятно, что авторъ разумѣетъ подъ греко-римской религіей и подъ отождествленіемъ человѣка съ Богомъ. Людей въ Греціи никогда не отождествляли съ Зевсомъ и въ Римѣ съ Юпитеромъ. Слово „тождество“ авторъ употребляетъ не точно. На стр. 144 онъ го-

ворить объ анатомическомъ тождествѣ человѣка и обезьяны, но на самомъ дѣлѣ и между различными видами обезьянъ существуетъ значительное анатомическое различіе. На стр. 174 авторъ пишетъ: „то, что мы называемъ зломъ, говорятъ намъ здѣсь, можно сравнить, напр., съ криволинейнымъ движеніемъ лодки, идущей противъ теченія: хотя она движется и не по прямой линіи, но всетаки идетъ къ своей цѣли. То же самое происходитъ и со всѣмъ существующимъ въ мірѣ“. Кто это такъ говоритъ и почему лодка, плывущая противъ теченія, движется не по прямой линіи? прямо противное теченіе, какъ и попутное не измѣняетъ прямолинейнаго характера движенія лодки. На стр. 174 и 175 авторъ излагаетъ ученіе Лейбница о злѣ. Ученіе Лейбница здѣсь искажено. По теоріи Лейбница, пишетъ авторъ: „выходитъ, что зло, даже нравственное, есть лишь недостатокъ полнаго добра, добро въ незначительной или меньшей степени. Разница между добромъ и зломъ только количественная, а не качественная: зло—тоже добро, но въ зародышѣ“. На самомъ дѣлѣ по ученію Лейбница зло нравственное есть слѣдствіе добра (именно, существованія свободы у конечныхъ тварей), но вовсе не есть добро. Зло физическое (бѣдствія, страданія) есть причина добра (такъ какъ воспитываетъ, развиваетъ и укрѣпляетъ въ борьбѣ съ собою духовныя силы человѣка); только зло метафизическое есть дѣйствительно лишь недостатокъ добра (и вмѣстѣ условіе добра, такъ какъ абсолютное добро есть Богъ, а все конечное въ своей ограниченности заключаетъ уже зло. Если бы Богъ не примирился съ существованіемъ этого зла, то онъ не создалъ бы міра), но и недостатокъ добра, по Лейбницу, можетъ вести къ прямому положительному злу. Ученіе Лейбница далеко не такъ наивно, какъ представляется о. Свѣтлову, и теодицея Лейбница имѣется въ русскомъ переводѣ. На стр. 281 о. Свѣтловъ пишетъ: „ап. Павелъ въ Еф. VI, 1—3 отношенія отцовъ и дѣтей формулируетъ словами шестой заповѣди“. Заповѣдь о почитаніи родителей у насъ считается пятою, въ западномъ дѣленіи заповѣдей—четвертою, о. Свѣтловъ называетъ ее шестою. Что это: неговоренная опечатка или авторъ принимаетъ какой-то особенный счетъ?

О. Свѣтловъ называетъ свою книгу курсомъ, т. е. видитъ

въ ней учебникъ; мы склонны въ его книгѣ видѣть трудъ ученый или, точнѣе, трудъ ученаго, но отнюдь не учебникъ. 3 черты можно отмѣтить въ книгѣ о. Свѣтлова (а можно насчитать и больше), которыя не допускаются въ учебникахъ: 1) полемика съ частными лицами по частнымъ вопросамъ, 2) отсутствіе отвѣтовъ на важные вопросы науки—у автора нѣтъ трактата о Троичности, о Церкви, о Таинствахъ, о конечной судьбѣ міра и человѣка, 3)—и это самое главное—авторъ въ своей книгѣ не разъ утверждаетъ догматически мнѣнія совершенно новыя, расходящіяся не только съ общепринятыми воззрѣніями, но порою даже и съ тѣмъ, что самъ утверждалъ въ своихъ другихъ трудахъ. Для того, чтобы эти новыя мнѣнія превратить въ школьныя истины, нужно ихъ такъ обосновать, чтобы они стали общепринятыми. Книга о. Свѣтлова есть его *profession de foi*, она содержитъ въ себѣ отрицаніе многого установившагося въ руководствахъ и призывъ по многимъ вопросамъ идти по новой дорогѣ, въ ней ясно и твердо раскрывается мысль—и въ этомъ, по нашему мнѣнію, ея главное достоинство,—что опочить на существующихъ богословскихъ системахъ нельзя, что ихъ должно переработывать, развивать, дополнять. Книга о. Свѣтлова намъ представляется не итогомъ трудовъ, а программю вопросовъ, изъ каковыхъ на нѣкоторые потомъ печатно или для себя лично онъ дастъ, можетъ быть, и иные отвѣты, чѣмъ тѣ, которые даетъ теперь.

На стр. 25 авторъ называетъ старокатоликовъ западными православными христіанами. Но православнымъ христіаниномъ можетъ быть названъ лишь тотъ, кого таковымъ признаетъ православная церковь. Старокатоликовъ, вышедшихъ изъ церкви неправославной, а римско-католической, православная церковь еще не провозглашала таковыми. Пока не произнесено это опредѣленіе церкви, мы можемъ говорить только о возможности и желательности такового опредѣленія, но не можемъ дать сами его. Пріобщая старокатоликовъ къ православію, о. Свѣтловъ попутно высказываетъ неодобреніе термину *пресуществоленіе*. Одинъ изъ рецензентовъ его книги замѣтилъ ему (см. Вѣра и Церковь № 1, 1902), что здѣсь дѣло собственно не въ словѣ, а въ пониманіи слова, и старокатолики отказываются, конечно, не отъ слова (филологически, понятно, термины не могутъ быть точными), а

отъ католическаго пониманія слова. Рецензентъ при этомъ отмѣтилъ, что въ другой книгѣ о. Свѣтловъ самъ усвоить термину пресуществленіе православно-догматическій смыслъ (опытъ апологетическаго изложенія правосл.-христіанск. вѣровученія, ч. 2, 1898, стр. 15). Нетрудно догадаться, какія статьи 1898—99 г.г. привели о. Свѣтлова къ новому взгляду на дѣло. Но окончательный ли это его взглядъ? Можетъ быть чтеніе такихъ произведеній, какъ Лерея—*La constitution de l'Univers et le Dogme de l'Eucharistia*, Камеппа—*Le Mystere eucharistique*—снова бы измѣнили его воззрѣнія?

На стр. 169 авторъ пишетъ: „по ученію Св. Писанія *первый* изъ ангеловъ отпалъ отъ Бога“. Въ Св. Писаніи нѣтъ такого ученія. Это—только мнѣніе нѣкоторыхъ изъ святыхъ отцовъ (напр., Григорія Богослова).

На стр. 187 авторъ въ преданіяхъ народовъ сходныхъ съ библейскими видитъ одинъ изъ доводовъ для утвержденія истинности библейскаго повѣствованія. Этотъ взглядъ все болѣе и болѣе оспаривается. Кромѣ сказаній ассиро-вавилонскихъ нельзя указать никакихъ, о которыхъ можно бы было сказать съ несомнѣнностью, что они родственны по своему происхожденію съ библейскими.

На стр. 215 у автора говорится: „въ понятіи о существѣ искупленія согласны всѣ религіи“. Это выраженіе представляется непонятнымъ. По автору искупленіе предполагаетъ собою грѣхъ, какъ разобщающій человѣка съ Богомъ, возстановленіе природы человѣка пораженной грѣхомъ есть искупленіе или примиреніе. Но искупленіе можетъ быть мыслимо не только отъ грѣха, а и отъ зла бытія, это уже—не примиреніе. Затѣмъ и примиреніе можетъ быть различнымъ: на началахъ рабства, равенства, сыновства?

На стр. 283 авторомъ утверждается, что Будда ставилъ себѣ цѣлью возстановленіе въ чистомъ видѣ отеческой религіи. Это—неправда. Будда искалъ и ждалъ откровенія истины (и затѣмъ, по его мнѣнію, нашель), а не искалъ открытой уже истины.

На стр. 320 авторъ перечисляетъ мучениковъ науки, въ числѣ которыхъ помѣщаетъ Лавуазье. Но Лавуазье былъ присужденъ къ смерти, какъ откупщикъ, а не какъ химикъ. Его казнь была жестокою несправедливостью, но не имѣла отношенія къ его научнымъ занятіямъ.

Но es irrt der Mensch, so lang'er strebt (Faust, Prolog im Himmel). Курсъ апологетическаго Богословія всегда имѣть и будетъ имѣть своимъ предметомъ недоумѣнія въ сферѣ религіозной, вызываемыя явленіями и ученіями самыхъ различныхъ областей. Апологетъ долженъ быть знакомъ съ самыми различными отраслями знанія и самыми различными типами религіозной и антирелигіозной настроенности. На религіозную истину нападаютъ и во имя логическихъ, и фактическихъ, и этическихъ, и эстетическихъ соображеній. Въ борьбѣ съ этими возраженіями апологеты, которыхъ такъ мало, по частнымъ пунктамъ, конечно, неизмѣнно допускаютъ ошибки, промахи и съ нихъ пера сходятъ lapsus linguae. Не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Если мы отъ того, что признали ошибками и недостатками въ трудѣ о. Свѣтлова, обратимся къ тому, что въ немъ есть поучительнаго и цѣннаго, то положительныя качества его труда совершенно заслонятъ недостатки. Безспорно, книга автора является чрезвычайно полезнымъ вкладомъ въ русскую богословскую науку.

Авторъ нерѣдко вводитъ термины, не получившіе распространенія въ русской богословской наукѣ. Многіе изъ нихъ удачны. Заключая мысль въ одно слово, эти термины даютъ возможность сокращать рѣчь, не сокращая ея содержанія (таковы: понерологія, сотеріологія и др.). Нерѣдко авторъ останавливаетъ вниманіе на той сторонѣ православнаго ученія, которая обыкновенно игнорировалась, нерѣдко онъ основательно замѣчаетъ недостатки и ошибочную точку зрѣнія въ существующихъ богословскихъ курсахъ. Съ успѣхомъ, по нашему мнѣнію, онъ борется съ формализмомъ нѣкоторыхъ нашихъ богословскихъ курсовъ, придающихъ взаимоотношеніямъ Бога и человѣчества какой-то внѣшній формальный характеръ. Авторъ подвергаетъ суровой критикѣ юридическую теорію оправданія, по которой грѣхъ человѣка требуетъ формальнаго возмездія. Авторъ, полагаемъ, неправъ въ своемъ суровомъ отношеніи къ этой теоріи: она вѣрно, только очень поверхностно объясняетъ дѣло. Заслуга нашего автора состоитъ въ томъ, что онъ далъ болѣе глубокое истолкованіе величайшаго факта міровой исторіи. Его толкованіе, вопреки его мнѣнію, не отрицаетъ того, что было сказано прежде, но расширяетъ и дополняетъ это сказанное.

Вообще страницы книги, посвященные сoteriологии, представляют собою не мало поучительнаго. Много у автора и хороших апологетических страниц (объ исторических основах христіанства, въ частности—о воскресеніи Христа, о божественномъ происхожденіи благовѣстія ап. Павла). Poleмическая часть книги хороша у автора въ томъ отношеніи, что она посвящена ученіямъ, которыя должны быть дѣйствительно предметомъ изслѣдованія и разбора (Гарнака, Ричля, о двоякомъ послушаніи, по послѣдному вопросу можетъ быть автору полезно бы было принять во вниманіе разсужденіе Канта о страданіяхъ невиннаго человѣка). Взглядъ на значеніе смерти Христовой, полагаемъ, долженъ быть расширенъ. Хорошо въ книгѣ то, что авторъ обнаруживаетъ стремленіе извлекать апологетическіе доводы и дѣлать ихъ общимъ достояніемъ изъ новѣйшихъ научныхъ сочиненій. Эти доводы и по существу имѣютъ сравнительно большую цѣнность и въ глазахъ интеллигентныхъ людей имѣютъ большую убѣдительность.

Книга о. Свѣтлова заключаетъ въ себѣ много хорошаго. Прежде всего, для богослова отрадно видѣть въ этой книгѣ то, что можно назвать богословскимъ энтузіазмомъ. Все въ книгѣ, какъ и во всѣхъ трудахъ о. Свѣтлова, свидѣтельствуетъ, что для него Богословіе не есть лишь оплачиваемая профессія, а есть прежде всего дѣло жизни. Усвоить въ себѣ христіанскую истину, преподавать ее другимъ, разъяснить, обосновать — вотъ его жизненная задача. Въ его трудѣ нѣтъ и въ его трудахъ не можетъ быть безстрастнаго, спокойнаго тона. Нерѣдко онъ гораздо болѣе горячо нападаетъ на союзниковъ по вѣрѣ, чѣмъ на противниковъ. Это—понятно. Когда ему кажется, что кто-либо понимаетъ ту или другую христіанскую истину неправильно, защищаетъ ее дурно, онъ, представляя себѣ, какой вредъ можетъ произойти отъ такого служенія истинѣ, обрушивается горячо на подобнаго единомышленника. Воюя съ врагами, можно многое уважать въ врагахъ, но нельзя относиться хладнокровно къ плохимъ союзникамъ.

Основательнымъ и поучительнымъ вообще является отношеніе о. Свѣтлова къ антирелигіознымъ доктринамъ. Какъ ни прискорбно это, но еще и теперь въ Россіи у многихъ апологетовъ на тѣ науки, на почвѣ которыхъ развились

антихристіанскія гипотезы, существуетъ взглядъ русскихъ XVII в. Тогда говорили: „богомерзостенъ всякъ любяй геометрію“; теперь говорятъ — хотя и не буквально: „богомерзостенъ всякъ любяй геологію“ (см. Богосл. Вѣст. 1894 г., августъ, послѣднія строки 293 и первыя 294 стр.). Тогда говорили: „на что намъ наука? мы безъ наукъ православны“; теперь говорятъ: „на что намъ естественныя науки? мы безъ нихъ православны“. И вотъ авторы, во многихъ отношеніяхъ почтенные и обогатившіе Богословіе капитальными трудами, въ своихъ разсужденіяхъ о естественныхъ наукахъ обнаруживаютъ и поразительное незнакомство съ предметомъ и ничѣмъ не оправдываемое самоиѣніе. Когда имъ говорятъ, что представляется затруднительнымъ согласить ту или иную библейскую истину съ тѣми или иными данными естествознанія, они преспокойно объявляютъ эти данныя вздоромъ, говорятъ, что послѣднее слово науки часто бываетъ послѣднею ложью и т. д. Но вѣдь человѣкъ ограниченъ. Нерѣдко и то, что можно согласить, можетъ ему показаться несогласимымъ. Многого нельзя понять, объяснить, провѣрить сразу. Вотъ статья на эту точку зрѣнія объективнаго, а не задорно отрицательнаго отношенія къ ученіямъ о. Свѣтлова и призываетъ своимъ примѣромъ. Онъ не отрицаетъ геологіи, онъ добросовѣстно сознается, что для примиренія геологіи съ Библіей въ настоящее время существуютъ затрудненія. Для вѣры твердой эти затрудненія никогда не могутъ стать искушеніемъ, но въ то же время вѣра разумная не можетъ закрывать передъ ними глаза и говорить, что ихъ нѣтъ; они существуютъ и ихъ нужно изслѣдовать, а не отрицать однимъ взмахомъ пера.

Обширная и разносторонняя начитанность и неутомимое трудолюбіе характеризуютъ книгу о. Свѣтлова. Онъ читалъ св. отцовъ, въ немъ видно основательное знакомство съ русской и заграничною богословскою литературою, онъ внимательно слѣдитъ за движеніемъ научной и общественной мысли; онъ чутко прислушивается къ тому, что волнуетъ современные умы, прислушивается за тѣмъ, чтобы по мѣрѣ силъ словомъ истины разсѣвать эти волненія. Должно отдать справедливость, что у насъ на Руси въ послѣднее время обнаруживается большая забота о меньшемъ братѣ: устроятся церковныя школы, распространяются назидательныя

произведенія, создаются воспитывающія духъ развлеченія, заводятъ чтенія. Но при этой заботѣ о братѣ меньшемъ братъ старшій—интеллигентное общество игнорируется упорно. На выраженіе недоумѣній, сомнѣній и отрицаній со стороны интеллигентныхъ людей имъ отвѣчаютъ обыкновенно порицаніемъ и осужденіемъ. Но, вѣдь, въ высказываемыя недоумѣнія нужно вникнуть, нужно понять ихъ происхожденіе, нужно понять душу, настроеніе, особенности мышленія сомнѣвающихъ и невѣрующихъ, чтобы болѣе или менѣе съ успѣхомъ можно было убѣждать ихъ въ религиозной истинѣ. О. Свѣтловъ принадлежитъ къ числу немногихъ, занятыхъ этимъ святымъ дѣломъ. Онъ называетъ свои труды тяжелыми и говоритъ, что выстрадалъ ихъ. На Руси есть много скромныхъ богословскихъ тружениковъ, условія жизни и научныхъ занятій которыхъ крайне неблагоприятны. Какъ профессоръ университета, о. Свѣтловъ много счастливѣе ихъ. Но съ того умственно возвышеннаго пункта (университетской среды), на которомъ стоитъ онъ, ему гораздо лучше видна, чѣмъ многимъ, прискорбная и глубокая рознь, существующая на Руси между православіемъ и значительною частью интеллигенціи. И о. Свѣтловъ направляетъ свои усилія къ тому, чтобы по возможности разрушать стѣну недоразумѣній, отдѣляющую отъ православной церкви многихъ официально числящихся въ ней членовъ. Эта благородная дѣятельность заслуживаетъ всякаго поощренія, и я полагаю, что присужденіе о. Свѣтлову за нее степени доктора Богословія будетъ законною наградой“.

б) экстраординарнаго профессора по кафедрѣ метафизики и логики Алексѣя *Введенскаго*:

„Профессоръ-протоіерей П. Я. Свѣтловъ принадлежитъ къ числу тѣхъ изъ нашихъ ученыхъ богослововъ, которые, утверждаясь на незыблемомъ основаніи Св. Писанія и Православнаго Преданія, отнюдь не хотятъ, однако, ограничиваться повтореніемъ формулъ традиціоннаго богословія, но стремятся, переработавъ и какъ бы переплавивъ ихъ въ своемъ сознаніи, наложить на нихъ печать личной оригинальности. Въ замѣчательной монографіи *Ученіе Церкви и богословствующій разумъ въ религиозно-христіанскомъ знаніи* онъ съ силою непреложно-убѣжденнаго человѣка выступаетъ на защиту правъ богословствующаго разума на „индивидуаль-

ное выраженіе“ православной истины, справедливо указывая, въ доказательство этихъ правъ, на исключительно-тѣсную связь религіозно-философской мысли съ нравственною личностію познающаго: „здѣсь“, говоритъ онъ, „мысль не отдѣлима отъ совѣсти и вѣры и, если послѣднія имѣютъ право индивидуальнаго выраженія, да и не могутъ существовать безъ него, то это право переходить и на мысль“. А свой *Курсъ апологетическаго богословія*, представленный на соисканіе ученой степени, онъ заканчиваетъ слѣдующими характерными словами: „я оканчиваю книгу, заключающую въ себѣ, хотя и неполный итогъ, но все же нѣкоторый итогъ передуманнаго и пережитаго мною“. Дѣйствительно, повсюду на страницахъ книги автора лежитъ ясная печать его оригинальности и личнаго своеобразія и именно это, при остротѣ и пронизательности мысли, при научной основательности и несомнѣнныхъ достоинствахъ изложенія, сообщаетъ ей особенный интересъ.

Можетъ, пожалуй, показаться несомнѣстимымъ съ установившимися въ учено-богословскомъ мірѣ традиціями и обычаями, имѣющими отчасти свои основанія и въ правилахъ, которыми опредѣляется разсмотрѣніе и присужденіе устныхъ богословскихъ степеней, то обстоятельство, что авторъ представилъ, а Совѣтъ Академіи принялъ къ разсмотрѣнію на степень Доктора Богословія трудъ, который представляетъ не специальное изслѣдованіе въ той или другой отрасли богословскаго знанія, но систематизацію и формулировку православнаго вѣросознанія въ цѣломъ. Однако, чтобы не смущаться этими недоумѣніями, слѣдуетъ, во-первыхъ, имѣть въ виду, что за *Курсомъ апологетическаго богословія* автора стоитъ не только цѣлый рядъ специальныхъ монографій, представляющихъ научную цѣнность и иногда очень значительную ¹⁾, но и капитальный двухтомный *Опытъ аполо-*

¹⁾ Важнѣйшія изъ нихъ: 1) „Источники ходячаго мнѣнія о вѣрѣ, какъ противоположности разума“, СПб., 1895 г.; 2) „Излѣченія психическимъ вліаніемъ и чудесныя исцѣленія“, СПб., 1896 г.; 3) „Мысли Гладстона объ искупленіи“, Казань, 1896 г.; 4) „Мѣсто богословія въ семьѣ университетскихъ наукъ“, СПб., 1897 г.; 5) „Мистицизмъ конца XIX вѣка въ его отношеніи къ христіанской религіи и философіи“, СПб., 1897 г.; 6) „Воскресеніе Христово“, СПб., 1899 г.

гетического изложенія православно-христіанскаго вѣроученія (2-е изд. Кіевъ, 1898—1899 г.г.), совпадающій съ *Курсомъ* лишь отчасти. Во-вторыхъ, вкладомъ въ науку слѣдуетъ, конечно, признавать не только спеціальныя изслѣдованія того или другого частнаго вопроса или группы вопросовъ, но такъ же,—и притомъ не въ меньшей степени,—систематизацію и точную формулировку содержанія той или другой науки, на данномъ уровнѣ ея развитія. Правда, здѣсь отъ читателя сокрыта такъ называемая „эрудиція“ автора. Нѣтъ, и по самому существу задачи быть не можетъ, обильныхъ литературныхъ ссылокъ, свидѣтельствующихъ о болѣе или менѣе продолжительныхъ занятіяхъ автора въ спеціальной области его темы. Но критеріи для опредѣленія научной цѣнности труда есть и здѣсь, а именно: 1) степень оригинальности замысла и плана (своего рода научная архитектоника); 2) обладаніе наукою на ея современномъ уровнѣ и притомъ во всѣхъ деталяхъ и тонкостяхъ; 3) наконецъ, точность и строгость формулы. И вотъ, если мы станемъ измѣрять трудъ автора этою мѣрою и оцѣнивать по этимъ научнымъ критеріямъ, то должны будемъ признать за нимъ достоинство цѣннаго „вклада въ науку“,—вклада, не менѣе цѣннаго, чѣмъ инныя спеціальныя и особенно ультраспеціальныя монографіи и изслѣдованія.

Авторъ *Курса* исходитъ изъ мысли, что богословіе въ университетѣ „должно выйти навстрѣчу ищущимъ истину, оказать содѣйствіе имъ въ исканіи истины или выработкѣ *опредѣленнаго міровоззрѣнія*“ и что въ этомъ именно заключается задача богословія въ университетахъ (стр. 10): „богословіе“,—такъ ставитъ онъ свой окончательный выводъ по этому вопросу, — „дѣлаеть нужное для университетскаго образованія дѣло и добровольное изученіе его слушателями университета есть прѣстои результатъ ихъ добросовѣстнаго отношенія къ университету и пониманія задачъ университетскаго образованія“ (12). Оригинальная постановка дѣла,—оригинальная и основательная! Ибо дѣйствительно необходимо,—если университетъ хочетъ быть въ собственномъ смыслѣ *scientiarum universitas*,—чтобы всѣ, изучаемыя въ немъ, спеціальныя науки были, такъ сказать, поставлены въ перспективу общаго и притомъ именно христіанскаго міропониманія, которое бы служило коррективомъ мысли и противо-

вѣсомъ односторонней спеціализаціи университетскихъ студіи. Приходится весьма сожалѣть о томъ, что въ университетахъ не вѣсмъ студентамъ читается философія, и притомъ здравая философія, которая могла бы выполнять задачу, намѣчаемую почтеннымъ авторомъ *Курса*, и нужно разсматривать, какъ проявленіе его тонкой и чуткой отзывчивости, именно такое пониманіе имъ своей задачи и стремленіе, хоть до нѣкоторой степени, восполнить своимъ „Курсомъ богословія“ этотъ ошутительный и вредно отражающійся особенно на умственныхъ настроеніяхъ современной университетской молодежи, недостатокъ въ университетскихъ планахъ.

Опредѣливъ съ такою чуткостію свою основную задачу, авторъ не менѣе чутко ставитъ и вопросъ о методѣ своего *Курса*. Какъ извѣстно, въ наше „положительное“ время лишь опытъ признается надежнымъ методомъ познанія и представляется съ указаніемъ на его преимущественное, если не исключительное, право въ рѣшеніи всѣхъ и всякихъ вопросовъ знанія. И вотъ, въ отвѣтъ на этотъ запросъ времени,—обставленный, впрочемъ, необходимыми ограниченіями,— авторъ задумываетъ и до извѣстной степени осуществляетъ въ своемъ *Курсѣ* попытку „эмпирическаго построенія богословія“ (стр. 27), имѣющаго своимъ базисомъ опытъ въ широкомъ смыслѣ этого термина: опытъ *личнѣй*, внѣшній (очевидность внѣшняго факта и достовѣрность свидѣтельства о немъ) и внутренній (здѣсь — „всѣ условія правильного христіанскаго знанія сводятся къ увеличенію сродства души съ міромъ сверхчувственнымъ, ибо подобное познается подобнымъ“, стр. 23) и опытъ *общій или коллективнѣй*. При этомъ тонкими и ясными чертами онъ ограничиваетъ православное отношеніе къ опыту, какъ источнику богопознанія, отъ отношеній инославныхъ. „Среди всѣхъ христіанскихъ церквей“,—пишетъ авторъ (стр. 26), — „одна православная Церковь служитъ средою правильного христіанскаго знанія. Признаніемъ въ принципѣ равныхъ правъ въ познаніи за личнымъ опытомъ и авторитетомъ или свидѣтельствомъ Церкви, воплощающимъ въ себѣ коллективнѣй опытъ, православная церковь можетъ вести къ полной гармоніи познанія и заключаетъ въ себѣ ростки плодотворнаго научно - богословскаго развитія христіанской мысли, что не достигается

другими церквами. Въ протестантствѣ личный опытъ или индивидуальное начало въ познаніи господствуетъ надъ общимъ или авторитетомъ церкви до полного его поглощенія, въ латинствѣ, наоборотъ, авторитетъ церковный воплощенный въ единомъ лицѣ „непогрѣшимаго“ папы подвѣляетъ личность въ познаніи“.

Сообразно съ постановкою своей задачи и метода, авторъ опредѣляетъ и планъ своихъ чтеній. Онъ начинается установкою именно *факта*—„историческихъ основъ христіанства“ (подлинность Евангелій, достовѣрность евангельскихъ чудесъ, воскресенія, явленій Воскресшаго, вообще достовѣрность евангельскаго изображенія Личности Христа, въ противоположность раціоналистическому изображенію Баура, Штрауса и Ренана). Лишь установивъ (въ первой части *Курса*) фактъ, авторъ переходитъ затѣмъ (во второй его части) къ выясненію заключеннаго въ этомъ фактѣ содержанія, то-есть къ „систематическому изложенію христіанскаго вѣроученія въ главнѣйшихъ его основаніяхъ“, а именно къ ученію: о Богѣ (отдѣленіе 1-е), о вселенной (отд. 2-е), о „распаденіи царства Божія въ человѣческомъ родѣ“ (то-есть о злѣ, его сущности и происхожденіи — отд. 3-е) и, наконецъ, къ ученію о „возстановленіи Царства Божія въ человѣческомъ родѣ искупленіемъ во Христѣ“ (отд. 4-е, распадающееся на Сотеріологію, Христологію и Ученіе о дѣлѣ Христовомъ: Откровеніе истины, Божественной любви и Божественной силы во Христѣ Іисусѣ или, по другой формулировкѣ, о „Крестѣ въ его торжествѣ надъ міромъ“).

Какъ видно уже изъ этого общаго обозрѣнія содержанія *Курса*, онъ охватываетъ, за исключеніемъ эсхатологіи, всѣ существенныя стороны христіанскаго вѣроученія. Если же мы при этомъ воспользуемся иногда слишкомъ схематичное изложеніе *Курса* соответствующими страницами *Опыта* (особенно въ ученіи о вселенной), то получимъ почти исчерпывающее изложеніе христіанскаго вѣроученія не только по предмету и вопросамъ, но и по ихъ раскрытію. Такимъ образомъ, мы имѣемъ предъ собою, въ капитальныхъ трудахъ автора, въ собственномъ смыслѣ *систему христіанскаго міросозерцанія*, представляющую крупный интересъ какъ въ богословскомъ, такъ и въ научно-философскомъ отношеніяхъ.

Однако, отдавая должное оригинальности замысла и основательности общей постановки дѣла, мы не можемъ не высказать и нѣкоторыхъ недоумѣній, которыя оставило въ насъ чтеніе и обсужденіе *Курса*. Наши недоумѣнія касаются отчасти существа дѣла, отчасти же формы.

Первое наше замѣчаніе касается ученія о сущности удовлетворенія и Христѣ, какъ Жертвѣ за грѣхъ міра. Авторъ съ силою возстаетъ противъ такъ называемой „теоріи юридизма“, то-есть ученія о Крестной Жертвѣ, какъ удовлетворенія *правды* Божіей. „Голгоѳа“, — пишетъ онъ (стр. 311), — „мѣсто любви, а не юридизма; Синай былъ колыбелью юридизма съ его принципомъ, закономъ, Голгоѳа — смерть его“. И еще: „любви, а не мученій хочетъ Богъ; свойство же справедливости есть свойство не самостоятельное, а проявленіе любви“ (стр. 305—6). Однако—что собственно хочетъ сказать авторъ *Курса* этими другими подобными выраженіями, положенными имъ въ основу критики „теоріи юридизма“? Хочетъ ли онъ сказать, что Крестная Жертва была дѣломъ *только* Божественной любви, но не вмѣстѣ и удовлетвореніемъ требованіямъ Божественной правды? Никакъ. Законы правды Божественной, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ громко говорятъ о себѣ во всей исторіи домостроительства, чтобы можно было совершенно не принимать ихъ въ соображеніе. И авторъ дѣйствительно этого не дѣлаетъ. „Идея сатисфакціи“, — говоритъ онъ (стр. 299), — „есть настойчивое требованіе совѣсти человѣческой съ ея закономъ возмездія“ и „вообще отрицаніемъ правды во имя любви въ Богѣ обнаруживается неправильное и смутное понятіе какъ о Богѣ, такъ и нравственной природѣ человѣка“, ибо „при всей своей благодати Богъ не отмѣнитъ для грѣшниковъ закона справедливости, какъ не отмѣнитъ въ умственной сферѣ законовъ логики ради глухихъ“. Посему, какъ говоритъ онъ далѣе (стр. 302), „не удовлетворенію собственно *только* справедливости, не возмездію (только?) правосудному за грѣхъ служить наказаніе, но (и?) любви“, и „Крестною Жертвою достигается полная дѣйствительная сатисфакція или понесеніе наказанія за грѣхъ“ (стр. 310), такъ какъ Христосъ „добровольно беретъ на Себя положенное судомъ правды наказаніе“ (стр. 318). Но если такъ, то въ чемъ же дѣло и о чемъ споръ?... Вмѣсто того, чтобы слишкомъ приподнятою полемикою съ „теоріею

юридизма“ давать читателю поводъ думать, будто (чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ) авторъ не считаетъ Крестную Жертву, это дѣло Божественной любви по преимуществу, вмѣстѣ съ тѣмъ и удовлетвореніемъ Божественной правдѣ, — вмѣсто этого было бы цѣлесообразнѣе, въ интересахъ точнѣйшаго уясненія и опредѣленія истины, сосредоточить вниманіе читателя на томъ, о чемъ всегда учило православное богословіе, именно, что Крестная Жертва есть не только дѣло любви, но вмѣстѣ и удовлетвореніе правдѣ, равно какъ и наоборотъ, не только удовлетвореніе правдѣ, но и дѣло любви. Разъяснить, какъ „срѣтаются“ на крестѣ милость и истина, „лобызаются“ правда и миръ: вотъ здѣсь задача!

А между тѣмъ, вызванное полемикою съ „юридизмомъ“ упоминаніе о томъ, что Божественная справедливость (=правда) есть свойство несамостоятельное, что Богъ хочетъ не мученій грѣшниковъ, но любви съ ихъ стороны къ Нему и т. д. невольно подготавливаетъ въ умѣ читателя или слушателя *Курса* вопросъ: какъ-же, однако, *при такихъ условіяхъ*, мы должны относиться къ ученію Церкви о *вѣчныхъ* мученіяхъ грѣшниковъ *нераскаянныхъ*, то-есть не проявившихъ въ своей жизни той любви къ Богу, какой Онъ отъ нихъ хотѣлъ? Вѣдь если *безцѣльныхъ*, то-есть не вызывающихъ любви, мученій грѣшника не нужно, то какъ мыслимы *вѣчныя* мученія, которыя, согласно ученію Церкви, по законамъ Божественной правды, будутъ участіемъ *нераскаянныхъ* грѣшниковъ? Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ *Курсѣ* яснаго отвѣта на этотъ вопросъ. Вмѣсто обычно помѣщаемой, въ концѣ системы православнаго вѣроученія, эсхатологій, мы находимъ у автора, въ послѣсловіи, лишь слѣдующія строки: „*Meum primum desiderium, исполненіе котораго было бы увѣчаніемъ всего труда моего, было бы помѣщеніе въ курсѣ апологетики эсхатологій.* Такъ простыя и естественныя авторскія желанія и предположенія обращаются въ обидныя *pra desideria* тамъ, гдѣ не меньше авторовъ значать независящія отъ нихъ обстоятельства“... (стр. V). Нельзя и рецензенту не пожалѣть объ этихъ „обстоятельствахъ“, ибо онъ вынужденъ теперь, вмѣсто того, чтобы взвѣснить взгляды автора по его дѣйствительному намѣренію и въ ясномъ изложеніи, ограничиться лишь косвенными соображеніями.

Какія же мы имѣемъ данныя для сужденія о подлинномъ

отношеніи автора къ такъ называемой эсхатологической проблемѣ? Съ одной стороны, несомнѣнно, что авторъ *признаетъ* вѣчность мученій для нераскаянныхъ грѣшниковъ: грѣшная „душа“,—говоритъ онъ (стр. 354), — „осуждена на *вѣчно* безсильное созерцаніе безостановочно идущаго къ ней потока грѣховныхъ чувствъ и мыслей, начавшагося на землѣ; замкнутая въ себѣ самой, безъ возможности забыть о себѣ, разсѣяться, душа осуждена *вѣчно* томиться бесплоднымъ и безсильнымъ созерцаніемъ всходовъ грѣховныхъ сѣмянъ, посѣянныхъ ею на землѣ, его неотвратимой власти надъ нею безъ возможности, при естественномъ теченіи вещей, какихъ-либо переменъ и улучшеній“. Посему, хотя „непроницаемый ни для какой посторонней силы адъ, по видимому, теперь (послѣ сошествія во адъ Христа) оказывается вполне проницаемымъ и открытымъ для любви, могущества, свѣта и благодати Христа, все Собою наполняющаго“ (стр. 355), однако, онъ и теперь „закрытъ для благодатныхъ вліяній и воздѣйствія свѣта и любви Божественной для душъ, отходящихъ туда изъ міра во тѣмъ и злобѣ, даже безъ ростковъ свѣта и жизни христіанскихъ, безъ всякой воспримчивости къ свѣту и даже безъ способности возвращенія къ лучшей жизни“ (стр. 356). Но съ другой стороны онъ пишетъ (стр. 364): „Нашъ Царь тѣмъ отличается отъ земныхъ царей, что въ основаніи Его царскаго управленія лежитъ законъ любви и милосердія. Онъ хочетъ покорить человѣческое несовершенство въ Свое совершенство. Поэтому Царство Христа будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока существуетъ возможность новыхъ побѣдъ и расширенія его: Христосъ хочетъ покорить себѣ все,—хочетъ „„чтобы всѣ спаслись““. Когда это будетъ сдѣлано, наступитъ конецъ міру: воскресеніе и судъ, а Сынъ передастъ Свое Царство и „„покорится Отцу““, и „„будетъ Богъ все и во всемъ““... Что-же мы должны вывести, въ концѣ концовъ, изъ этихъ сопоставленій? Повидимому, мы стоимъ здѣсь передъ дилеммою: или, признавъ вѣчныя мученія нераскаянныхъ грѣшниковъ, должны вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезъ то самое, *eo ipso* признать самостоятельное значеніе за Божественною правдою (какое значеніе, какъ мы видѣли, авторъ, увлеченный полемикою съ „юридизмомъ“, отрицаетъ), или же, принявъ за точку отправленія мысль о „несамостоятель-

номъ“, зависяномъ (отъ Божественной любви) значеніи Божественной правды, придти къ апокатастасису, въ смыслѣ послѣдней изъ только что приведенныхъ выдержекъ. Но можетъ быть, по намѣреніямъ автора, можно пройти между этими членами альтернативы какимъ-либо инымъ, среднимъ путемъ?... Можетъ быть. Но во всякомъ случаѣ, нельзя еще разъ не пожалѣть объ „обстоятельствахъ“, отнимающихъ у насъ возможность взвѣсить отношеніе автора къ важному вопросу по существу и на основаніи его собственнаго изложенія.

Ослабленіе въ сознаніи автора энергіи понятія о Божественной правдѣ, какъ будто бы свойствѣ несамостоятельномъ, сказалось у него и еще въ одномъ, не менѣе существенномъ пунктѣ,—въ ученіи о характерѣ конца человѣческой исторіи. Авторъ пишетъ (стр. 410—411): „міръ, это царство зла и страданій, теперь же, *въ земныхъ условіяхъ (?)* долженъ быть превращенъ въ царство добра, Царство Божіе, насколько то возможно, чтобы служить переходомъ къ высшей формѣ его въ царствіи небесномъ; желательно и необходимо *царство Божіе еще здѣсь на землѣ (?)*, ради царства Божія на небѣ. Самъ Господь заповѣдалъ намъ молиться о скорѣйшемъ наступленіи Царства Божія на землѣ во всей возможной полнотѣ и силѣ: *да придетъ царствіе Твое!* Церковь Христова, съ заключеннымъ въ ней очагомъ евангельскаго свѣта, просвѣщающаго весь міръ, естественнымъ образомъ предназначена содѣйствовать устроенію Царства Божія на землѣ (?), но въ этой своей работѣ по созиданію Царства Божія на землѣ она никогда ни была одинокою: все лучшее въ человѣчествѣ вмѣстѣ съ нею дружно работаетъ въ пользу Царства Божія. Посильную службу Царству Божію на землѣ несутъ наука, право, искусство, литература, словомъ—вся (?) цивилизація. Здѣсь, а не гдѣ-либо, лежитъ цѣль цивилизаціи, здѣсь единственно идеалъ историческаго прогресса, достойный тяжелыхъ трудовъ и усилій, затрачиваемыхъ человѣчествомъ въ поискахъ лучшаго будущаго“. И осуществленіе этого оптимистическаго идеала человѣческой исторіи авторъ считаетъ не только *желательнымъ*, но и *возможнымъ*, съ силою и рѣзкостью, мало извинительною въ строго ученыхъ трудахъ, осуждая тѣхъ, кто мыслитъ иначе. „Намъ могутъ“,—пишетъ онъ (стр. 411—412),—„наприм., говорить такъ. Допускать возможность Царства Бо-

жія на землѣ (подобно напр., Ф. М. Достоевскому, или Л. Н. Толстому) значило бы допускать вѣру въ постепенное усовершенствованіе человѣческаго рода, что не дозволяется ученіемъ Церкви и Свящ. Писанія. „Св. Евангеліе даетъ намъ очень мало надежды на то, что впереди насъ царство любви. Напротивъ, оно говоритъ намъ объ умноженіи зла на землѣ (къ концу временъ), объ оскуднѣніи любви, о пришествіи антихриста (см. 2 Тм. III, 1—5 и др.). Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Церкви неосновательно допускать въ будущемъ наступленіе всеобщаго царства любви на землѣ“... Вотъ,—продолжаетъ авторъ,—языкъ и аргументація лже-христіанскаго разума и недомыслія (!), прикрывающихся, по обычаю, священнымъ именемъ Евангелія и именемъ непогрѣшимой Церкви“... И не только „недомысліе лже-христіанскаго разума“ видитъ авторъ въ этомъ мнѣніи, отличномъ отъ его собственнаго, но и возстаніе на человѣческую природу, съ врожденнымъ ей стремленіемъ къ безконечному совершенствованію, возстаніе на здравый смыслъ, даже на самого Христа, заповѣдавшего молиться о возможномъ осуществленіи воли Божіей и на землѣ, какъ на небѣ... „Нѣтъ“,—заключаетъ онъ,—„великій грѣхъ и недомысліе великое запрещать намъ именемъ Евангелія, во исполненіе заповѣди Господа, искать Царства Божія и правды Его для земли (ибо правда на небѣ не есть искомое нѣчто, а уже осуществившееся), искать и молиться о наступленіи его на землѣ—и стремиться къ лучшему будущему“ (стр. 413). Такъ пишетъ авторъ. Однако, вся эта грозно-обличительная рѣчь, по нашему мнѣнію, есть просто на просто недоразумѣніе, опредѣляемое все тѣмъ же невѣрнымъ пониманіемъ правды Божіей, какъ свойства, будто бы, несамостоятельнаго. Если, въ самомъ дѣлѣ, Богъ не наказуетъ, по законамъ правды Своей, грѣшное человѣчество слѣдствіями его собственныхъ дѣлъ, тогда, конечно, характеръ конца исторіи человѣческой мы должны представлять оптимистически. Но не напрасно Слово Божіе поставило предъ взорами человѣчества, въ концѣ его исторіи, грозное предостереженіе въ образѣ антихриста, который появится въ концѣ, совсѣмъ не благоприятствующаго оптимистическимъ ожиданіямъ, строя вещей и отношеній между людьми. Слѣдуетъ, поэтому, строго отличать стремленіе къ совершенству и вѣру въ наступленіе,

въ концѣ исторіи, совершеннаго строя на землѣ. Церковь, дѣйствительно, учитъ насъ стремиться къ совершенству, къ воплощенію во взаимныхъ отношеніяхъ любви и вообще началъ евангельскихъ. Но она не учитъ насъ вѣрить въ конечную осуществимость и торжество этихъ началъ и идеаловъ *на землѣ*, учитъ же совершенно противоположному (какъ это прекрасно разъяснено въ диссертациі проф. А. Д. Бѣляева: *О безбожїи и Антихристѣ*, т. I, главы IV—V). Стремиться къ безконечному совершенствованію, къ проникновенію началами евангельскими и проведенію ихъ въ жизнь—одно. А вѣрить въ наступленіе земнаго рая, хотя бы и въ отдаленіи временъ, совсѣмъ другое. И не имѣть этой послѣдней, совершенно не проповѣдуемой церковью, вѣры, вовсе не значить возставать на человѣческую природу, здравый разумъ и т. д., или изобличать въ себѣ „недомысліе лжехристіанскаго разума“. Напротивъ, это значить именно оставаться въ согласіи съ ученіемъ Церкви.

Только что отмѣченное нами недоразумѣніе тѣмъ прискорбнѣе и тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что оно можетъ возбудить въ читателѣ *Курса* мысль о томъ, будто его авторъ подаетъ здѣсь руку тому, широко распространенному въ настоящее время, увлеченію, которое, опираясь на одностороннюю проповѣдь о любви (альтруизмѣ), на счетъ справедливости и въ ущербъ закону, проникается утопичными вѣрованіями въ грядущій земной рай съ заложенными въ основу этихъ вѣрованій сомнительными идеалами „прогресса цивилизаціи“ и низменными вожделѣніями равновѣсія „всеобщей сытости“... А между тѣмъ, если гдѣ, то именно здѣсь, именно въ этой смутной области разнорѣчивыхъ взглядовъ, представитель христіанскаго міросозерцанія долженъ, со всею рѣшительностію и безъ тѣни уступчивости, начертать предъ своими слушателями грозное и предостерегающее ученіе Церкви о характерѣ конца всемірно - человѣческой исторіи, въ его яркой противоположности поверхностному историческому оптимизму современныхъ утопистовъ, возлагающихъ черезчуръ большія надежды на чисто - естественныя силы и факторы цивилизаціи: науку, человѣческое искусство и независимую (автономную) человѣческую мораль. Какъ показываетъ опытъ,—и обыденный, и историческій,—эти силы и факторы, къ несчастію для человѣчества,

работаютъ въ направленіи часто совершенно противоположно идеаламъ христіанскимъ, превращаясь въ лже-науку, лже-искусство, лже-мораль.

Къ изложеннымъ замѣчаніямъ, касающимся существа диссертациі, необходимо теперь присоединить нѣсколько другихъ, касающихся преимущественно формы.

Мы отмѣтили выше, какъ достойное вниманія и заслуживающее одобренія, стремленіе автора дать „эмпирическое построеніе богословія“. Однако, намъ кажется, что стремленіе это не вездѣ въ *Курсѣ* осуществлено съ одинаковымъ успѣхомъ. Есть, по крайней мѣрѣ, одинъ пунктъ, на которомъ невыдержанность замысла выступаетъ предъ нами съ полною ясностью. Мы разумѣемъ первое отдѣленіе второй части *Курса*—ученіе о Богѣ. Установивъ въ первой части, по всѣмъ правиламъ „эмпирическаго“ метода, „историческія основы христіанства“, авторъ затѣмъ, въ ученіи о Богѣ, сразу перелагаетъ свое изложеніе, такъ сказать, въ иной тонъ и окутываетъ читателя атмосферою схоластики, отъ которой въ другихъ случаяхъ онъ столь похвально стремится удалиться. Этотъ отдѣлъ (собственно ученіе о доказательствахъ бытія Божія съ онтологическимъ во главѣ), на нашъ взглядъ, есть наиболѣе слабый въ книгѣ. Намъ кажется, что авторъ остался бы въ большемъ согласіи съ собою и своимъ замысломъ, если бы, установивъ въ первой части фактъ явленія въ міръ Богочеловѣка Христа, извлекъ бы затѣмъ изъ этого факта тѣ опредѣленія Божества, какія въ немъ открыты. Разъяснивъ предварительно,—напр. при посредствѣ философскаго комментарія первой главы Евангелія Іоанна,—что воплотившееся въ избранномъ народѣ Богъ—Слово есть Начало и всей міровой жизни, включая и жизнь естественнаго человѣчества, онъ могъ бы, *тѣмъ же эмпирическимъ методомъ*, установить проявленныя въ естественномъ откровеніи,—то-есть въ универсальныхъ, историческихъ и всемірно-космическихъ проявленіяхъ Логоса,—свойства премірнаго Божества. При этомъ зависѣло бы уже отъ общей архитектоники цѣлаго, оставилъ ли бы авторъ трактатъ о бытіи Божіемъ на томъ же мѣстѣ, на какомъ онъ поставленъ теперь, или отнесъ бы его, какъ наиболѣе удаленную отъ эмпирической почвы часть системы, къ концу ея и, быть можетъ, даже въ самый конецъ.

Есть и другіе пункты, возбуждающіе недоумѣніе. Таково, напр., отношеніе автора къ вопросу о дняхъ творенія. „Возможно“,—пишетъ онъ (стр. 138—139),—„и въ христіанскомъ богословіи существуетъ также научно-геологическое пониманіе дней творенія въ смыслѣ неопредѣленно-продолжительныхъ эпохъ, отстаивающее себя противъ буквального пониманія дней творенія на богословской почвѣ не съ меньшею энергіею и основательностію, чѣмъ это послѣднее. Вообще въ богословіи вопросъ о дняхъ творенія есть вопросъ открытый“. Въ *Опытъ* (т. I, стр. 243—250) онъ мотивируетъ это положеніе подробно и притомъ съ замѣчательною діалектической виртуозностію. Однако, намъ кажется, что pro и contra буквального пониманія дней творенія можно допускать развѣ лишь съ формально-логической точки зрѣнія, но не по существу. Слѣдуетъ здѣсь обратить вниманіе на ту *скрытую мысль*, которую проникнуто, особенно въ современной натур-философіи, толкованіе дней творенія въ смыслѣ періодовъ: теперь произвольно расширяютъ дни—періоды въ тысячелѣтія, въ десятки, сотни и даже сотни сотенъ тысячъ лѣтъ, чтобы потомъ изъ нихъ, изъ столь неопредѣленно понимаемыхъ періодовъ, незамѣтно составить вѣчность саморазвитія извѣчно сущей матеріи, съ очевиднымъ, при такой [постановкѣ дѣла, устраненіемъ творческаго: „да будетъ!“ Вотъ именно, въ виду этой-то тенденціи, богословъ и не долженъ оставаться на точкѣ безразличія въ отношеніи къ вопросу о пониманіи дней творенія. Онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ понимать подъ ними не „неопредѣленно-продолжительныя эпохи“, но, если ужъ и эпохи, то опредѣленныя, не уводящія мысль въ вѣчность саморазвившейся матеріи. Здѣсь, конечно, долженъ быть предоставленъ просторъ богословскому мнѣнію. Однако—не безграничный: возможность, можно даже сказать необходимость, понимать, по крайней мѣрѣ, послѣдніе дни въ смыслѣ именно нашихъ дней, до нѣкоторой степени обязываетъ насъ понимать аналогично и первыя „дни“.

Къ числу формальныхъ недостатковъ книги слѣдуетъ, наконецъ, отнести и встрѣчающіяся иногда у автора (не часто, впрочемъ, въ случаяхъ, можно сказать, исключительныхъ) *фигуры умолчанія* и *рѣзкіе отзывы* о людяхъ, мыслящихъ иначе. Одну изъ фигуръ умолчанія мы отмѣтили уже выше—

по вопросу объ эсхатологiи. Другую находимъ на стр. 407, въ примѣчанiи. „Изъ представленнаго ученiя о необходимости Церкви для спасенiя самъ собою вытекаетъ важный, часто возбуждаемый вопросъ объ участи язычниковъ и иновѣрцевъ, не принадлежащихъ къ истинной Церкви; но на этотъ, вполне естественный, вопросъ нѣтъ отвѣта въ предлагаемомъ сочиненiи, въ чемъ читатели не должны винить автора“..... Подобныя умолчанiя, неумѣстныя вообще въ ученыхъ сочиненiяхъ, тѣмъ менѣе умѣстны, конечно, въ книгахъ, предназначаемыхъ для широкаго распространенiя въ средѣ подрастающихъ поколѣнiй: они обыкновенно заставляютъ усиленно работать мысль читателей и часто, быть можетъ, совсѣмъ не въ томъ направленiи, въ какомъ желательнo автору. Примѣръ рѣзкихъ отзывовъ автора о людяхъ, мыслящихъ иначе, чѣмъ онъ, мы также уже видѣли выше (по вопросу о характерѣ конца исторiи человѣчества). Другой находимъ на стр. 155. Здѣсь авторъ, высказавшись за весьма спорное по существу и—главное—не имѣющее никакого существеннаго отношенiя къ богословiю мнѣнiе о „многочисленности обитаемыхъ мiровъ“, помимо нашей земли, заканчиваетъ свои размышленiя рѣзко-пренебрежительными отзывами объ одной монографiи, написанной въ иномъ смыслѣ. Объ этихъ и подобныхъ отступленiяхъ отъ добрыхъ литературныхъ обычаевъ слѣдуетъ пожалѣть тѣмъ болѣе, что они не гармонируютъ даже и съ общимъ тономъ изложенiя самого автора,—изложенiя, обыкновенно спокойнаго, уравновѣшаннаго, объективнаго.

Исполняя возложенный на насъ Совѣтомъ Академiи отвѣтственный долгъ оффиціальнаго рецензента, мы высказали всѣ, болѣе или менѣе значительныя, изъ тѣхъ недоумѣнiй, которыя оставило въ насъ чтенiе книги, представленной профессоромъ—протоiereемъ П. Я. Свѣтловымъ на соисканiе ученой степени. Тѣмъ болѣе чувствуемъ мы на себѣ обязанность отмѣтить достоинства, обнаруженныя имъ, какъ въ этой книгѣ, такъ и въ другихъ его трудахъ, а именно: широту и многосторонность эрудици; повсюду сквозящую оригинальность острой и проницательной мысли; изящную простоту изложенiя, при доказательности и точности; чуткую отзывчивость на запросы и требованiя времени; наконецъ, возвышенное одушевленiе ума, проникнутаго глубо-

кимъ и искреннимъ исканіемъ истины, принимаемой не иначе, какъ по искреннему удостовѣренію въ ней, независимо отъ школьныхъ традицій и сомнительныхъ авторитетовъ.

Принимая во вниманіе достоинства трудовъ автора, а также ихъ обиліе и разнообразіе, обнаруживающее въ немъ широкую и многостороннюю образованность, при выдающемся трудолюбіи, признаемъ, съ своей стороны, присужденіе профессору-протоіерею П. Я. Свѣтлову искомой имъ степени Доктора Богословія, какъ за представленный имъ трудъ, такъ и за совокупность другихъ его трудовъ, дѣломъ вполне справедливымъ“.

Справка: 1) §§ 142 — 143 устава духовныхъ академій: „Степени доктора богословія, равно какъ церковной исторіи и церковнаго права, удостоиваются магистры богословія безъ устнаго испытанія, по представленіи напечатанной диссертации или сочиненія, хотя бы и написаннаго не съ цѣлью полученія ученой степени“.—„Лица, пріобрѣтшія извѣстность отличными по своимъ достоинствамъ учеными трудами, возводятся въ степень доктора также безъ испытанія“.—2) Протоіерей Павелъ Свѣтловъ степени магистра богословія удостоенъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи 14 сентября 1893 года за представленное и удовлетворительно защищенное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Значеніе креста въ дѣлѣ Христовомъ. Опытъ изъясненія догмата искупленія“, Кіевъ, 1893 г., и утверждёнъ въ означенной степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 3 января 1896 года за № 14. 3) По § 81 лит. в п. 6 академическаго устава удостоеніе степени доктора значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе не только указанные рецензентами достоинства представленной профессоромъ богословія въ Императорскомъ Университетѣ св. Владиміра протоіереемъ Павломъ Свѣтловымъ диссертации, но и совокупность прочихъ ученыхъ трудовъ его въ области богословія, находящихся, какъ видно изъ отзывовъ рецензентовъ, въ тѣсной связи съ рассматриваемой диссертацией,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи протоіерея Свѣт-

лова въ искомой имъ степени доктора богословія. 2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ десять экземпляровъ диссертациі протоіерея Свѣтлова и копии съ отзывовъ о ней ординарнаго профессора Академіи Сергѣя Глаголева и экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго.

V. Отзывы о сочиненіи причисленнаго къ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода сверхъ штата кандидата богословія Александра *Постникова* подъ заглавіемъ: „Юридическая теорія доказательствъ, примѣнявшаяся и примѣняющаяся въ русскомъ епархіальномъ судопроизводствѣ со времени учрежденія Святѣйшаго Синода“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія.

а) ординарнаго профессора по кафедрѣ церковнаго права Николая *Заозерскаго*:

„Представленное въ рукописи сочиненіе г. Постникова подъ этимъ заглавіемъ есть исправленное и дополненное кандидатское сочиненіе, написанное имъ въ 1898-мъ году.

Содержаніе его самъ авторъ передаетъ въ видѣ слѣдующаго подробнаго оглавленія:

Предварительныя свѣдѣнія. Судъ какъ охранитель права церковнаго. Различіе между правонарушеніями. Самостоятельность церковнаго суда въ подвѣдомственной ему области. Значеніе доказательствъ для судебной дѣятельности. Теоріи доказательствъ. Измѣненія церковнаго судопроизводства въ различныя времена. Основанія и причины такого измѣненія. Различныя формы епархіальнаго судопроизводства въ русской церкви. Источники, содержащіе правила русскаго епархіальнаго судопроизводства.

Понятіе о доказательствѣ. Источники и основанія доказательства; средства, бремя и предметъ доказательства. Стороны въ судопроизводствѣ. Теорія доказательствъ. Различіе между теоріями доказательствъ. Виды судопроизводства: обвинительное, слѣдственное, смѣшанное. Различныя юридическія предположенія или презумпціи. Значеніе ихъ для судопроизводства и отношеніе къ теоріямъ доказательствъ.

Краткія свѣдѣнія о епархіальномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ (1—75).

Отдѣлъ 1-й: Дѣятельность сторонъ въ слѣдственномъ производствѣ.

а) Обвинительная дѣятельность епархіального суда. Движеніе производства силою закона. Состязаніе суда съ обвиняемымъ. Разслѣдованіе о другихъ поступкахъ подсудимаго и постороннихъ лицъ на основаніи свѣдѣній, открывающихся изъ дѣла, а также усмотрѣніе большей степени преступности въ извѣстномъ дѣяніи. Опроверженіе оправданій подсудимаго. Усмотрѣніе виновности обвинителя. Определеніе мѣры преступности проступка, а также прикосновенности къ дѣлу свидѣтелей. Усмотрѣніе основаній для административныхъ распоряженій при доказанности вины. Дѣла, въ которыхъ обязанности обвинителя всецѣло или почти всецѣло лежатъ на епархіальномъ судѣ. Замѣчанія слѣдователямъ за недостаточное вниманіе къ интересамъ обвиненія и исправленіе такихъ недостатковъ епархіальной властью. Обвинительная дѣятельность суда въ дѣлахъ объ исправленіи метрическихъ книгъ и при наложеніи епитимій. Епархіальный судъ какъ обвинитель по мысли Уст. Дух. Кон. Направленіе слѣдствія по определенному плану епархіальнымъ судомъ, а въ случаѣ нужды и Св. Синодомъ (77—202).

б) Дѣятельность частныхъ и должностныхъ обвинителей. Участіе въ производствѣ обвинителей. Расширеніе обязанности доказыванія какъ права обвинителя. Предоставленіе ему на практикѣ рукоприкладства подъ слѣдствіемъ и другихъ правъ стороны (203—221).

в) Дѣятельность обвиняемаго и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Права обвиняемаго: отводъ судей и свидѣтелей; присутствіе во время слѣдствія и допроса свидѣтелей; рукоприкладство подъ экстрактомъ или слѣдствіемъ; изъясненіе обстоятельствъ дѣла въ свою пользу; апелляція. Права прикосновенныхъ къ дѣлу. Окончаніе дѣятельности сторонъ (224—274).

г) Общія замѣчанія о производствѣ слѣдственныхъ дѣлъ и о бремени доказыванія во время разсмотрѣнія дѣла самимъ судомъ (275—296).

д) Юридическія предположенія епархіального судопроизводства. Взыскваніе проступковъ и ихъ виновниковъ. Презумція *virī malī* — въ лицѣ обвиняемаго и начало производства допросомъ послѣдняго. Движеніе дѣла силою закона. Порядокъ слѣдствія и случайныя отступленія отъ этого порядка. Изложеніе представленныхъ доказательствъ предъ

судомъ. Различіе юридическихъ презумпцій въ отдѣльныхъ судебныхъ дѣлахъ. Случаи примѣненія презумпцій *virgi mali*. Преданіе вольтъ Божіей обстоятельству, недопускающихъ разъясненія. Презумпція *boni viri* (297—353).

е) Стороны въ бракоразводномъ производствѣ. Различіе между бракоразводными и слѣдственными дѣлами по существу и по условіямъ производства. Дѣла бракоразводныя по иску одного изъ супруговъ о разводѣ (особенно по невѣрности другаго), какъ по преимуществу духовно-исковья дѣла. Стороны бракоразводнаго процесса: истецъ, отвѣтчикъ и самъ епархіальный судъ. Дѣятельность послѣдняго какъ стороны: увѣщаніе тяжущихся, угроза безбрачіемъ лицу, виновному въ разводѣ, недовѣріе къ признацію отвѣтчика, перенесеніе приговора о разводѣ на ревизію Св. Синода. Прискиваніе поводовъ къ отказу въ разводѣ. Особья мѣры для того, чтобы обезпечить отвѣтчику выполненіе бремени доказыванія какъ права стороны. Перемѣщеніе бремени во время производства (353—407).

2-й отдѣлъ: Предметъ доказыванія. Общее понятіе о немъ. Связь этого вопроса съ предшествующимъ. Положительная сторона предмета доказыванія: дѣйствительность событія или обстоятельства, составъ преступленія въ данномъ событіи и смягчающія обстоятельства. Отношеніе между главнымъ событіемъ и второстепенными обстоятельствами. Отрицательная сторона предмета доказыванія (409—426).

Положительная сторона предмета доказыванія въ епархіальномъ судѣ. Доказываніе существованія самаго событія или обстоятельства. Различеніе предмета доказыванія Дух. Регламентомъ и другими церковными законами. Дѣйствительность событія, подлежащаго разбирательству. Значеніе этого обстоятельства для духовнаго суда (427—439).

Составъ преступленія. Споръ о преступности главнаго событія, подлежащаго разбирательству. Споръ о степени преступности. Споръ о связи второстепенныхъ обстоятельствъ съ главнымъ событіемъ и о характерѣ этой связи (441—475).

Смягчающія обстоятельства. Связь и различіе этого вопроса съ предшествующимъ. Смягчающія обстоятельства епархіальнаго суда. Прощеніе вслѣдствіе Манифеста. Обстоятельства, имѣвшія важное значеніе для совершенія изслѣдуемаго преступленія: невѣдѣніе, неудобства, вызываемыя